

Курочка Куд (Гарин-Михайловский)

I

Курочка Куд была такая нарядная на своём птичьем дворе. На головке у неё был хохолок, а на ножках точно кружевные панталончики. Она знала, что она хорошенькая курочка, но ходила так, точно совсем ничего не знала. Петушки ухаживали за ней, а она говорила им:

— Вы мне так надоели: вы все такие скучные и пустые, — только всё рассказываете старые, скучные, давно известные сплетни.

И курочка Куд уходила от своих кавалеров, а старая курица — тётка Куд — строго спрашивала:

— Куд, куда?

— А вот куда, — отвечала Куд и весело начинала рыться в земляной ямке, — ха-ха-ха! ха-ха-ха!

— Куд, что ты делаешь? Ты вся испачкаешься!

— Ах, как скучно! — отвечала тогда Куд и начинала ходить такая важная и скучная, как будто она уже была совсем старушка, или приключилось с ней очень и очень большое горе.

II

Раз курочка Куд подошла к дверям курятника как раз тогда, когда двери его были открыты.

«Надо мне посмотреть, что там за птичьим двором делается», — подумала она.

И она важно, — Куд всегда всё важно делала, — вышла из дверей птичьего двора на берег пруда.

Была весна. Солнышко весело светило, так хорошо пахло согретой зелёной травкой, уточки плавали по пруду.

«Как хорошо, — подумала Куд, — и я теперь нескоро возвращусь назад. Я буду гулять, посмотрю всё-всё-всё»...

И она пошла прямо к тому месту, где росли камыши, и смело, — Куд ведь никогда ничего не боялась, — вошла туда.

Ах, в камышах было ещё лучше: правда, немножко грязно, но тихо, а вверху сверкало такое нежное голубое небо.

— О, как хорошо, — прошептала весело курочка, и в то же время она услышала, как кто-то как будто шепнул ей:

— Кур-Кур!

— Я не Кур, а Куд, — ответила Куд и быстро повернулась.

Перед ней стоял тёмно-коричневый Петушок. Это был такой смешной, высокий, на тонких ножках Петушок.

— Кур! — упрямо повторил Петушок.

Тогда Куд рассердилась и сказала:

— Ты смешной, высокий, не похож на наших петушков и глупый невежа.

— Что такое невежа? — спросил Петушок и так больно клюнул Куд в спинку, что та подпрыгнула и вскрикнула:

— Ах! Что ты делаешь?!

— Однако, ты совсем не умеешь прыгать, — сказал Петушок, и он легко, быстро подпрыгнул выше камыша.

Куд была справедливая курочка. Она согласилась, что Петушок прыгнул так, как никто на птичьем дворе у них не мог бы прыгнуть.

Она подумала и сказала:

— Я бы тоже хотела так прыгать.

— Пойдём в поле: я тебя скоро выучу.

— Пойдём, — согласилась Куд.

Петушок пошёл вперёд прямо по болоту, так легко, как будто он шёл по твёрдому сухому месту, а Куд шла за ним и то и дело проваливалась.

Она вся выпачкалась и весело смеялась, думая, как рассердится тётка, когда увидит её такой грязной.

Когда наконец пред ними открылось далёкое поле, покрытое молодой зелёной травкой, Петушок сказал:

— Ну, смотри.

И Петушок так высоко подпрыгнул, что Куд вскрикнула от удовольствия.

— Ну, теперь я, — крикнула она и изо всех сил подпрыгнула.

Но прыжок вышел тяжёлый, смешной, — она неловко упала на землю, но сделала вид, что нарочно так упала, — не хотела вставать, нарочно билась крыльями и весело хохотала сама над собой.

— Это потому, что ты совсем не распускаешь крыльев, когда прыгаешь. Вот смотри!

И Петушок, слегка распустив крылья, присел и как резиновый отскочил от земли. По мере того, как он летел, его крылья сами собой распускались всё больше и больше и несли его, пока Петушок опять плавно не опустился на землю.

Куд весело бежала за ним и кричала:

— Ну, теперь я знаю как...

И она опять прыгала, и опять неловко падала, и опять смеялась.

— А ты можешь совсем летать? — спросила Куд.

— Могу и летать, — ответил Петушок и легко полетел вперёд, а Куд побежала за ним, догоняя его.

Петушок опустился далеко-далеко, а Куд всё бежала и бежала.

Когда она догнала наконец Петушка усталая, задыхающаяся, тот спокойно уже клевал что-то на земле своим маленьким, тоненьким клювом.

— Ох, как я устала! — воскликнула Куд, опускаясь возле Петушка.

Она увидела, что он что-то ест, и спросила:

— Что ты ешь?

— Кузнечика.

— Я не люблю кузнечиков.

— Не ешь.

— А я хочу есть, — сказала Куд.

— Чего же ты хочешь?

— Зёрен хочу.

Петушок покачал головой.

— Зёрна, — сказал он, — только ещё осенью поспеют.

— А мы каждый день едим у нас зёрна, — отвечала ему Куд.

— Во сне? — спросил её Петушок.

— Вовсе не во сне, а на нашем птичьем дворе.

И Куд оглянулась, чтобы показать Петушку, где их птичий двор.

Но нигде не было больше видно их птичьего двора. И он, и пруд, и камыши — всё исчезло. Она даже не знала, в какой стороне их двор.

Они бегали по степи и прямо, и вбок, и назад, и вперёд. И сзади, и с боков, и везде виднелась всё та же ровная, спокойная степь, и только впереди далеко-далеко, на самом конце, там, где как будто сходилась степь с небом, темнел лесок. И этого леска она никогда не видала.

— Где я? Где наш птичий двор?

Петушок посмотрел на неё с удивлением и сказал:

— Откуда я знаю, где твой какой-то птичий двор?

Тогда Куд вдруг так страшно стало, и она начала плакать и кричать:

— Я хочу на птичий двор! Отведи меня сейчас на птичий двор! Я хочу на птичий двор!

— А если ты будешь так кричать, я улечу от тебя! — рассердился на неё Петушок.

Куд ещё больше испугалась, но перестала кричать и только потихоньку плакала.

А Петушок поймал нового кузнечика, клевал его, глотая по кусочкам, и говорил:

— Это очень глупо плакать! Я терпеть не могу, когда плачут! Кругом так хорошо: солнышко греет, травка зелёная, — зачем плакать?

Это всё было верно, и Куд подумала: «Зачем плакать?»

Она перестала плакать, но на душе у неё было всё-таки тревожно, и она, присев, так смотрела в глаза Петушка, что тому стало вдруг жаль Куд, и он подошёл к ней и ласково почистил об её спинку свой клюв.

У себя на птичьем дворе Куд крикнула бы Петушку, который захотел бы так почистить свой клюв о неё:

— Невежа!

Но теперь она и не подумала об этом, а только тихо, покорно проговорила:

— Я так хочу пить.

— Это не так легко достать воды здесь, — сказал Петушок, — постой, я подпрыгну: не увижу ли где?

И Петушок высоко-высоко подпрыгнул и опять опустился на землю.

— Вон там, где лесок, — сказал он, — есть, кажется, вода.

— О, как далеко! Я никогда не дойду туда, — вздохнула Куд.

— Что за далеко?! — ответил Петушок. — Не надо только думать, что далеко. Идём.

И он пошёл, постоянно подпрыгивая, а усталая Куд, распутив крылышки, то и дело спотыкаясь, кое-как поплелась за ним.

Она уже ни о чём не думала: она устала и боялась только, как бы не отстать ей от Петушка и не остаться совсем уж одной в этих незнакомых местах.

Когда они дошли до озера, Куд, присев к земле, бессильно прошептала:

— О, как я устала!

III

Там, у озера, и провели Куд и Петушок весь день до вечера. Солнце садилось и последними лучами, как золотой пылью, осыпало озеро и далёкую степь.

Над озером поднимался лёгкий туман и горел над ним точно прозрачное цветное покрывало. Молодые деревья будто выше подняли свои вершинки и смотрели в далёкое, огнём заката охваченное небо. Где-то уж затягивал свою вечернюю песенку сверчок; звонко в степи кричала дикая утка; в кустах, около озера, запевал соловушко.

Куд сидела около Петушка, и ей всё так нравилось, и она говорила, счастливая:

— Ах, как хорошо! Как хорошо! Как я счастлива, что ты показал мне всё это. Так я никогда бы ничего и не видела. Мне кажется и теперь, что я вижу это только во сне... И знаешь, мне кажется, что всё это ты создал...

Петушок на это ответил:

— Ну, хорошо, — создал, положим, это не я, а подумать о ночлеге надо. Как-нибудь переночуем, а завтра опять дальше.

— Куда ж ещё дальше? — огорчилась Куд, потому что и сегодня она очень устала.

Петушок не знал и сам, куда дальше, но решительно отвечал:

— Всегда дальше, Куд.

Но Куд не хотелось идти дальше. И так как она всегда привыкла всё делать по-своему, то и теперь, осторожно клюнув что-то на земле, она спросила:

— Ты никогда не жил на одном месте?

— Никогда.

— Разве ты не любишь смотреть, как садится здесь солнце, и как на этом самом месте, где теперь так хорошо нам, оно и завтра сядет?

— Оно везде, где мы ни будем, сядет и, может быть, ещё лучше, чем здесь.

Куд не понравился ответ Петушка, и, вздохнув, она обиженно сказала:

— Теперь я помню: тётка говорила мне про вас, вольных кур: вы всегда ищете чего-нибудь нового... А мы, домашние куры, мы очень не любим перемены и всегда говорим: «от добра добра не ищут».

— Зачем же ты ушла тогда со мной?

— Я заблудилась, — сухо ответила Куд.

— Так что, если бы ты нашла дорогу, ты возвратилась бы назад? — спросил Петушок.

— Не знаю, — уклончиво ответила Куд.

— Ну, так я дорогу знаю и завтра отведу тебя назад, в то место, откуда взял.

— А-а! — вскрикнула Куд. — Я знала, знала, что ты злой...

И она заплакала.

— Почему я злой? Ну, не хочешь идти назад, оставайся, но зачем же ты плачешь, и что это за манера постоянно плакать?

— Я не буду плакать, — отвечала покорно Куд.

И Куд подняла на Петушка свои заплаканные глазки, — она была такая хорошенькая в своём хохолке, точно в ночном чепчике.

— У нас совсем нет таких как ты, — сказал Петушок, смотря на неё, — и я рад, что встретил тебя...

— И я рада, — тихо вздохнула Куд.

— Ты не хочешь назад?

— Нет, — ещё тише прошептала Куд.

— Ну, так слушай, Куд, — я что думаю, то и говорю: хочешь быть моей женой?

Куд опустила голову и без колебания сказала:

— Хочу.

Но потом она вдруг испугалась.

— Что я сказала! Что я сказала?!

— Ты хорошо сказала, — успокоил её Петушок, — прямо, начистоту — так, как говорят всегда у нас.

И он весело захлопал крыльями и закричал, как следовало по его законам:

— Кукуреку! Слушайте вы все, кто здесь слышать может, вот я беру себе в жёны Куд. Отныне Куд — моя жена и притом самая хорошенькая жена, какая только была когда-нибудь на свете!

Это слышали кузнечик, соловушко, толстая жаба, которая в это время выползла из озера, и две цапли — муж и жена, поселившиеся тут же в кустах, около озера, и теперь совершавшие свою обычную вечернюю прогулку вдоль опушки леса.

Цапли были очень счастливые муж и жена, учёные, с длинными носами.

Цапля-муж, услышав вызов Петушка, поджал под себя свою высокую ногу и насторожился, а жена в это время смотрела на мужа. Потом он сказал:

— Немного самонадеянный молодой человек, но в основании истинное чувство, которое при достаточном освещении развитого ума может дать самые благотворные последствия.

Его жена удовлетворённо кивнула своей длинной головой. Она только снисходительно прибавила, проглатывая мимоходом маленькую ящерицу:

— А как тебе понравилось это милое убеждение в том, что жена его — первая красавица?

— Милая моя, если миру чего недостаёт, то это, конечно, беспристрастия. И это понятно: каждый в своём теле сидит как в ящике и кричит из него только то, что видно только ему. И петух поэтому будет всегда воспевать свою жену, заяц — свою, и так далее.

Чуткое ухо жены, не перестававшей слушать мужа и в то же время прислушивавшейся ко всякому подозрительному шороху, уловило какой-то треск, и, обернувшись, она спросила мужа:

— Ну, а как ты думаешь вон о том звере на двух ногах, в зелёной куртке и с ружьём в руках, который, кажется, к тому же как раз нас имеет в виду?

— О, это самый ужасный и неразвитый вид животного из всех созданных на этом свете, это — человек. Мы все из нужды уничтожаем других и никогда друг друга, тогда как этот зверь зачастую ради одного удовольствия убивает и других, и, что всего ужаснее, друг друга. Летим, и надо предупредить всех о приближении чудовища.

И, взмахнув крыльями, цапли поднялись в воздух и, проносясь над озером, говорили своими нежными, мягкими голосами:

— Ты, Петушок, и ты, Куд, и все вы, кто услышит нас, — берегитесь: идёт человек с ружьём.

Не услышала только беленькая чайка. Она с мужем уже несколько дней искала себе место, где бы свить им гнездо. Увидев вдруг озеро, она, радостная, крикнула мужу:

— Смотри, какое розовое, прозрачное озеро! Летим скорей туда, там совьёшь ты мне гнездо, в нём положу я своё яичко, буду сидеть в гнезде, а ты, мой милый, ты всегда будешь со мной. О, сколько счастья, сколько счастья! — так

кричала она, и кружилась над озером, и звала отставшего мужа, и, не дождавшись, косым взмахом, стрелой счастливая бросилась книзу.

Но не долетела бедная маленькая чайка до озера: взвился дымок, прогремел выстрел, и упала она простреленная, мёртвая к ногам охотника. Яйцо её, будущая маленькая чайка, упало с ней и разбилось.

Лежит мёртвая чайка на земле, а над ней в небе вьётся и так больно-больно кричит оставшаяся живая.

Поднял охотник мёртвую, посмотрел, куда попал ей заряд, и подумал:

«Да, я хорошо стреляю, да что с этой чайкой делать? Не едят её».

И он бросил далеко от себя убитую чайку; зацепилась она за сухое деревцо, так и повисла на нём.

А чайка живая всё металась, то тревожно бросаясь к убитой подруге, то вверх, то к охотнику, и в отчаянии точно кричала ему:

— Злой, злой, убей и меня теперь! Я не хочу жить без неё.

Поздно вечером прилетели цапли домой.

Тихо на озере. Высоко в небе светит яркая луна. Висит белая чайка на дереве, и отражаются в неподвижной воде озера и дерево, и мёртвая чайка, и далёкое небо.

Где-то близко-близко так жалобно плачет и стонет другая живая чайка, и несутся в степь её стоны.

Спят цапли, стоя, спят и точно слушают и смотрят в ту сторону, где висит маленькая убитая чайка на дереве.

— Ку-ку-ре-ку-у-у! Полночь, господа, на дворе! — уже поёт тоненький голосок Петушка.

Куд жмётся теснее к нему, — снится ей мёртвая чайка, и шепчет она:

— О, как всё это ужасно, — смерть, смерть и конец всему, и никогда-никогда никто не возвратит бедную чайку больше к жизни!..

Села луна, и спит тёмная степь. Спит озеро, воздух... Уснула и осиротевшая чайка: всё плакала, плакала и так уснула на полустоне. Сладкий сон снится ей: снится, что жива её подруга, и счастливые так торопятся они улететь в ту страну, где нет злых охотников. Туда улетят они, там будут жить счастливые, чтобы вечно любить друг друга.

Только ещё посветлело в степи, только загорелась розовая полоска в том месте, где встаёт над землёй солнышко, как проснулся Петушок.

Он торопливо захлопал крыльями и закричал озабоченно:

— Кукуреку! Вставайте скорее все, потому что никто не смеет спать, когда хозяин наш, солнышко, уж хочет вставать.

— Какой беспокойный завёлся у нас однако сосед, — сказала цапля мужу.

— Пусть каждый, — сказал ей муж, — исполняет свои обязанности. Петух — часы природы, и пусть он звонит...

— Да, но он звонит и в полночь, и на рассвете...

— Что ж из этого? Полночь — такое же время как и рассвет... Пойдём лучше есть маленьких ящериц. Прежде всего немного пищи: никогда не забывай, дорогая, и помни, что одна маленькая ящерица может влить столько энергии в организм, создать такой полёт фантазии, мысли...

— И чувства, — подсказала жена.

— Да, да, и чувства... О чём я говорил?

— Не знаю, милый, когда я слушаю тебя, я забываю всё, — я забываю даже то, что ты говоришь...

— Ну, всё равно, и главное здесь, конечно, чтобы быть всегда беспристрастными, а теперь идём.

И они как все чинные, умные цапли, никогда не разлучаясь, зашагали в степь, как раз в то время, когда ящерицы и другие им подобные выбегают из своих норок.

А Куд в это время уговаривала Петушка поселиться на озере.

Ей надо было нести яйца, надо было высиживать деток.

— Так природа устроила, милый мой, и что мы можем против этого сделать? Позволь мне: я сама устрою маленькое, хорошенькое гнёздышко, — ты ничего не будешь знать, а я тебе в награду подарю много-много маленьких, хорошеньких петушков и курочек.

— Ну, что ж делать? — сказал Петушок. — Если ничего больше не остаётся, будем ждать маленьких, хорошеньких петушков и курочек.

И, захлопав крыльями, он закричал:

— Кукуреку! Мы с Куд окончательно поселяемся на озере, и Куд подарит мне много хорошеньких петушков и курочек.

— Милый, зачем же об этом говорить всем?!

— Да, об этом можно было бы и подождать так кричать, — согласилась цапля-жена, услышав в степи их разговор.

— Ну, Бог с ними, — ответил муж, — и будем терпеливо ждать, что из всего этого выйдет.

А вышло вот что: Куд устроила себе гнёздышко, нанесла в него яйца и в один прекрасный, весёлый день села на них, сперва поудобнее оправившись. После этого она, довольная собой, сказала Петушку:

— Милый мой, как я счастлива! Теперь я встану только окружённая нашими детками.

И с тех пор Куд постоянно сидела на яйцах.

И цапля села на яйца. Она была тоже очень счастлива, потому что после разрушения её первого гнезда деревенскими детьми, в том месте, откуда они убежали на это озеро, она думала, что в этом году у неё не будет больше детей.

А скоро к Куд и цапле прибавилась ещё одна соседка.

Это была утка.

Однажды эта утка прилетела на озеро сразу с тремя женихами.

И вот что все увидели: когда утка и её три жениха опустились на воду, то утка отплыла в сторону, отвернулась, а женихи её начали драться между собой. И они дрались до тех пор, пока один жених тут же умер от ран, а другой, чувствуя себя побеждённым, улетел. Тогда тот, кто остался — коренастый плотный селезень — подплыл к своей невесте и, по законам своей породы, грубо крякнул над её ухом:

— Жена!

Только тогда она подняла голову, чтобы посмотреть, кто ей достался, и кому она теперь как раба должна покоряться и служить.

Селезень был всегда злой. Он только и говорил:

— Моя! Моя!

Что до Петушка, то он предпочитал бегать по степи и только, соскучившись иногда, кричал издали:

— Кукуреку, Куд! Я люблю тебя!

Куд слышала его крик, но молчала. Что ж ей было делать? Не кричать же по-петушину, — ни одна уважающая себя курица так кричать не станет.

Правда, ей немножко было грустно, что её Петушок такой непоседа, ей хотелось бы, чтобы он всегда около неё сидел. Но она покорялась, — она верила, что Петушок всё-таки любит её больше всего на свете. И когда ей становилось особенно грустно, она думала о том времени, когда будут у неё детки, и как обрадуется им Петушок.

Наконец, Куд стала матерью. Это случилось так неожиданно, так просто.

Когда Петушок пришёл, он уже застал и Куд, и всех детей, и не мог налюбоваться на Куд, какая она стала сразу серьёзная, озабоченная.

Было из-за чего: целых 8 цыплят вывела Куд, и все они были такие маленькие, так жалобно пищали, так просили есть. Куд приходила в отчаяние и думала, что не переживёт и умрёт от жалости к ним.

Но скоро всё обошлось и пошло своим чередом.

И цапля вывела к этому времени двоих, а утка целых 13. А когда ей говорили, что 13 — нехорошее число, она кивала добродушно своим большим носом и, неся свой животик вперёд, отвечала:

— Ну, ничего, всё-таки тринадцать моих уточек лучше, чем двенадцать чужих.

То были хорошие дни.

И цапли, и утки, и Куд с Петушком — все со своими семьями проводили всё время то в степи, то у озера. Когда мужья уходили, оставались жёны и вели между собой интересные разговоры.

Цапля и утка много путешествовали, и Куд слушала их занимательные рассказы о том, что они видели.

Однажды Куд узнала, что когда придёт осень, и цапли, и утки, и даже её муж улетят далеко-далеко, в ту страну, где нет зимы.

— А я как же, — испуганно спросила Куд, — я ведь не умею летать.

— О, бедная, — сказала цапля, — что ж ты будешь делать?

— Во всяком случае, я отправлюсь с мужем, — с отчаянием сказала Куд.

— Я всегда говорила, что из всего этого ничего не выйдет, — крикнула утка.

Куд сказала:

— До осени ещё далеко; я научусь и прыгать, и летать, — буду каждый день летать теперь.

И с тех пор Куд не так думала о детях, как о том, чтобы научиться летать.

Но эта наука ей плохо давалась. Её собственные дети давно уже, гоняясь за бабочками, летали так же легко как и отец их.

«Слава Богу! — думала Куд. — Хоть им я не передала своих тяжёлых крыльев».

Но для неё самой это было плохое утешение.

Однажды опять пришёл охотник на озеро и застал всех его обитателей врасплох.

Он убил трёх курочек, двух уток и жену цапли.

Одна из курочек так похожа была на Куд, — её так любила Куд и так жалела, что она почти так же плохо как и сама Куд летала.

Грустно в тот день было на озере. Солнце садилось, и так пусто было кругом.

Муж-цапля так и застыл, стоя на одной ноге, опустив свою голову: всё кончилось для него, — ведь цапли только раз в жизни любят. Из-под полузакрытых жёлтых век смотрели его маленькие глаза так, точно вдруг увидел он насквозь и всю землю, и всех живущих на земле, и всё дурное, что в каждом сидит.

Точно говорил он:

— Да, вы убили мою жену, отняли у меня всю радость жизни, но что я могу тут сделать? Я могу только понимать, что не надо так делать.

Около него собрались его дети, Куд и Петушок со своими детьми и все утки.

Он долго молчал и, вздохнув, точно проснувшись вдруг от страшного сна, сказал им:

— Друзья мои, мы немного сами виноваты, что случилось с нами такое большое непоправимое горе. Надо было давно принять меры: нам нельзя было жить в такой большой компании. Нас преследуют люди, нам трудно в одном и том же месте доставать пищу. Теперь, наученные опытом, не будем медлить:

наши дети выросли, и для блага всех и своего пусть каждый стоит на своих ногах: уходите сами и отпустите всех и каждого в свою сторону.

Это была последняя ночь, которую проводили обитатели озера вместе. В последний раз прокричал на заре Петушок, и его дети помогали ему:

— Ку-ку-ре-ку!

Только цапля-муж остался жить на озере.

— Я останусь здесь, — сказал он, — на озере, где умерла моя жена. Я буду каждый год прилетать сюда весной, буду ходить здесь один и вспоминать моего отнятого друга, пока смерть не сжалится и в свою очередь не возьмёт меня. В этих воспоминаниях о смерти отныне вся цель моей жизни. Такой закон у нас. И если нельзя больше быть счастливым, можно и в страдании почерпать мужество.

Так болело сердце Куд, когда в последний раз провожала она улетающих от неё навсегда деток.

Улетели дети, утки, молодые цапли. Пора и ей с Петушком отправляться в далёкий, неведомый путь.

Вот в последний раз сверкнуло дорогое сердцу озеро, и цапля на нём, и то дерево, где всё так и висела убитая чайка. Болтается там беленькая, качает её ветер, и всё ещё точно зовёт она свою подругу. Где подруга? Может, это она всё кричит и стонет где-то в степи; может, другая, у которой тоже убили дружка...

Как давно всё это было. Только всходила тогда травка, только начинал по зорям свои песни соловушко.

А теперь синие, тёмные тучи на небе, и так сердито налетает холодный ветер на деревья, точно говорит им:

— Довольно вам было радоваться летом. Я сорву и брошу на землю ваш зелёный наряд, — таков закон природы, — за летом идёт осень, и я делаю то, что велит мне великая мать-природа.

Так не хотелось лесу снимать с себя зелёное платье: он спорил, шумел, но падали листья один за другим, пока не упали все и жёлтым ковром не укрыли землю.

Стало опять ясно, — стих ветер. Но холодное солнце заглядывало в пустой уже лес.

Так далеко видно в лесу, и голые деревья так грустно и безмолвно смотрят в прозрачное синее небо.

И степь опустела.

Люди сняли и хлеб, и траву и увезли всё к себе.

Точно замерли и дремлют осиротелые степь и лес, летят далеко от них в тёплые страны их летние гости.

Тяжело Куд поспевать за Петушком.

Иногда падала она и говорила в отчаянии:

— Милый, брось меня, я останусь и умру.

— Нет, нет, — отвечал Петушок, — время есть ещё, — ни одной цапли не видно в небе.

Опять дует ветер и несёт с собой холодные, тёмные тучи. Ранний снег выпал, и гонит его ветер, и кучами ссыпает над лесом. Забивается снег под крылья Куд и Петушка, голодные и холодные спешат они.

— Вот камыши, — кричит Петушок, — там отдохнёшь, там теплее, там, может, найдём мы и пищу.

О, как хорошо было бы поесть и согреться. Но ветер сильнее, и так больно забивается и намерзает снег на перьях. О, какой сильный порыв! Что это? Где, где Петушок, где небо, лес и свет дневной? Кажется Куд, что всё ещё бежит она и не может понять, что с ней такое? О, как помнит себя она нарядной беззаботной курочкой Куд на своём птичьем дворе; озеро встаёт перед ней как живое, с ней Петушок её... Может быть, сон только был всё это — и озеро, и Петушок... Как больно: неужели сон, и сейчас она проснётся опять на своём птичьем дворе; о, как ужасно! Но кто-то где-то там далеко-далеко говорит будто. То голос нежный цапли в небе: «Ты дорого заплатила за своё счастье: забитая снегом, ты замерзаешь теперь, бедная маленькая Куд... И ничем-ничем нельзя больше тебе помочь»...

«Смерть?! — думает Куд. — Она пришла уже! Но голос этой цапли? — Значит, всё действительно было... было... там у озера»...

Бедная маленькая Куд! Она уже больше ни о чём не думала: занесённая снегом, она лежала мёртвая на холодной земле.